

Исландская сказка " Колдун Лофт "

Был когда то в епископской школе в Хоуларе один ученик по имени Лофт. Все свободное время он отдавал колдовству и превзошёл всех в этом искусстве. Он любил подбивать других учеников на всякие проделки. Однажды на Рождество Лофт поехал домой к родителям. В пути он заночевал на каком то хуторе, а утром подковал тамошнюю служанку, взнуздая её и поскакал на ней домой. После этого служанка долго болела – Лофт загнал её чуть не до смерти, – но, пока он был жив, она словом не обмолвилась об этом случае. А другую служанку, которая от него забеременела, Лофт умертвил с помощью колдовства. Вот как он это сделал: неся служанку из кухни в корыте золу, и вдруг перед ней раскрылась стена. Только она шагнула в этот проём, как Лофт снова закрыл стену. Много лет спустя, когда стену рушили, в ней нашли скелет женщины с корытом в руках, а в её скелете – косточки неродившегося ребёнка.

Лофт не успокоился, пока не изучил до мельчайших подробностей всю «Серую кожу». Он встречался со многими колдунами, и никто не мог превзойти его в колдовском искусстве. Но зато он сделался таким злобным и мрачным, что другие ученики боялись и ненавидели его.

Как то раз в начале зимы Лофт попросил самого храброго из учеников помочь ему вызвать из могилы одного древнего епископа. Тот стал отказываться, но Лофт пригрозил, что убьёт его.

– Вряд ли я смогу быть тебе полезен, ведь я несведущ в колдовстве, – сказал тогда ученик.

Однако Лофт объяснил, что ему придётся только стоять на колокольне и держать верёвку от колокола и по знаку Лофта начать звонить.

– А теперь слушай, я открою тебе, что я задумал, – сказал Лофт. – Если человек владеет колдовством, как я, он может использовать его только для злых дел, в противном случае его ждет смерть. Но если ему удастся постичь колдовскую премудрость до конца, дьявол потеряет над ним власть и даже станет служить ему, как он служил Сэмунду Мудрому. Постигший всю колдовскую премудрость делается независимым и может использовать свои познания, как пожелает. Беда в том, что приобрести такие познания в наши дни стало трудно. Теперь нет Школы Чернокожия, а «Красная кожа» по повелению епископа Гохтскаулька Злого зарыта вместе с ним в могиле. Вот я и надумал вызвать епископа из могилы и отнять у него «Красную кожу». Правда, вместе с ним выйдут из могил и другие древние епископы – им не устоять перед всеми заклинаниями, которые понадобятся, чтобы вызвать Гохтскаулька. Эти заклинания не подействуют лишь на епископов, которые умерли совсем недавно и похоронены с Библией на груди. Только не вздумай звонить раньше, чем нужно, но и не опоздай, помни, от этого зависит и моё земное, и моё вечное блаженство. А уж я в свой черед отблагодарю тебя: ты всегда и во всём будешь первым, и никто ни в чём тебя не превзойдёт.

Они столкнулись и, когда все легли спать, отправились в церковь. Светила луна, и в церкви было светло. Товарищ Лофта занял место на колокольне, а Лофт взошел на кафедру и начал читать заклинания. Вскоре из могилы поднялся мертвец с добрым серьезным лицом и короной на голове.

– Остановись, несчастный, пока не поздно! – сказал он Лофту. – Тяжким будет проклятие моего брата Гвендура, если ты потревожишь его покой.

Но Лофт оставил без внимания слова этого епископа и продолжал заклинать. Тогда из могил один за другим стали подниматься древние епископы с крестами на груди и посохами в руках. Все они обращались к Лофту с какими нибудь словами, а с какими – неизвестно. Трое из них были в коронах, но ничего колдовского в их облике не было. Однако Гохтскаульк всё не поднимался. Лофт начал заклинать ещё неистовей, он обратился к самому дьяволу и покаялся ему во всём содеянном им добре. Тут раздался страшный грохот, и поднялся мертвец с посохом в руке и красной книгой под мышкой. Наперсного креста на нём не было. Он сурово взглянул на епископов и устремил испепеляющий взгляд на Лофта. Тот стал заклинать ещё усерднее. Гохтскаульк грозно двинулся к нему.

– Хорошо ты поёшь, сынок, – насмешливо произнёс он, – лучше чем я думал, но моей «Красной кожи» тебе всё равно не видеть.

Лофт пришел в иступление, и от богохульств церковь затрещала и заходила ходуном. Товарищу его показалось, будто Гохтскаульк медленно приблизился к Лофту и нехотя подаёт ему книгу. В глазах товарища потемнело, его обуял ужас. Увидев, что Лофт протянул к книге руку, он подумал, что тот делает ему знак, и ударил в колокол. Все епископы с грохотом повалились под землю. Одно мгновение Лофт стоял неподвижно, закрыв лицо руками, а потом медленно, шатаясь, поднялся на колокольню.

– Все обернулось хуже, чем я предполагал, но ты в этом не виноват, – сказал он своему товарищу. – Мне следовало дождаться рассвета, тогда Гохтскаульк сам отдал бы мне книгу. Но он оказался более стойким, чем я. Когда я увидел книгу и услышал его насмешки, я потерял над собой власть. Стоило мне произнести ещё хотя бы одно заклинание, церковь бы рухнула, а Гохтскаульк только этого и хотел. Но, видно, от своей судьбы не уйдёшь. Теперь у меня нет надежды на вечное блаженство. Но обещанную награду ты получишь, и пусть всё происшедшее останется между нами.

С той поры Лофт стал молчалив и даже как будто немного повредился в уме: он боялся темноты и с наступлением сумерек спешил зажечь все светильники.

– В субботу, в середине Великого поста я буду уже в аду, – часто бормотал он.

Ему посоветовали попросить приюта у пастора из Стадарстадира, который был очень стар, твёрд в вере и считался лучшим священником в округе. Помешанных и околдованных он исцелял одним наложением рук. Пастор пожалел Лофта и позволил ему неотлучно находиться при себе – и днём и ночью, и дома и на улице. Лофт заметно оправился, но пастор продолжал опасаться за него, потому что Лофт никогда не молился вместе с ним. Лофт неизменно сопровождал пастора, когда тот навещал больных и искушаемых дьяволом, и присутствовал при их беседе. Пастор не выходил из дома без облачения и всегда брал с собой хлеб и вино для причастия.

Наступила суббота в середине Великого поста. Лофт был болен, пастор сидел у его постели и христианской беседой поддерживал в нем бодрость духа. Часов в девять утра пастору сообщили, что один из его друзей лежит при смерти и просит пастора причастить его и подготовить к благочестивой кончине. Пастор не мог ему отказать. Он спросил у Лофта, может ли тот сопровождать его, но Лофт ответил, что боли и слабость не позволяют ему двигаться. Пастор сказал Лофту, что всё будет хорошо, если тот не выйдет из дому до его возвращения, и Лофт обещал не вставать с постели. Потом пастор благословил и поцеловал его. У порога пастор опустился на колени, прочел молитву и осенил дверь крестным знаменем. Люди слышали, как он пробормотал про себя:

– Один Бог ведает, спасётся ли этот человек. Боюсь, что мне не одолеть силу, которая мешает его спасению.

Когда пастор ушёл, Лофт вдруг почувствовал себя совершенно здоровым. День был погожий, и ему захотелось выйти прогуляться. Мужчины уехали рыбачить, и дома не было никого, кроме кухарки и одного работника, которые не стали его удерживать. Лофт отправился на соседний хутор. Там жил один старик, человек скорее злой, чем добрый. Сам он уже не рыбачил. Лофт попросил старика спустить для него на воду небольшую лодку – ему, мол, охота порыбачить у самого берега. Старик выполнил его просьбу.

Тихая погода держалась весь день, но лодки этой никто уже больше не видел. Даже обломка от весла и то не нашлось. Только один человек видел с берега, как из воды высунулась серая мохнатая лапа, схватила лодку и вместе с Лофтом утащила её под воду.